

№8

Август 2013

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

▲Пещерный город Уплистикхе

ЗОВ ДНЯ УШЕДШЕГО И ДНЯ ГРЯДУЩЕГО

«Это правда, мальчик?»

*Рефрен из рассказа
Нодара Думбадзе «Кровь»*

В виртуальную эпоху, вооружившись технологией и системой «Google – Планета», блуждаю по мирам реальным и ирреальным. По прошлому и будущему, то есть по настоящему, что постоянно перетекает в эти понятия нашего литературного ремесла.

Память – неистребимая плазма, вбирающая в себя четвертое измерение нашего мира и нашего сознания, заполняет и зачастую переполняет безбрежное пространство нашей души.

«Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить душу друг другу: вы – мою, я – другого, другой – третьего, и так далее до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни».

Эти святые слова Нодара Думбадзе были на слуху в семидесятые-восемидесятые годы прошлого столетия.

Давайте помнить об этом и в наше время, в начале нового века и нового тысячелетия, в транзитный период

нашего бытия.

Блуждаю по просторам компьютерной души, иногда окунаясь в небесную синеву монитора.

Детская память – цепкая вещь.

Это правда, мальчик.

Помнишь фильм из середины прошлого века? – «Мамлюк».

Я помню.

Не помню режиссера, а в детстве помнят саму картину, но не того, кто эту картину создал.

Это потом, с годами познаешь, что «Я, бабушка, Илико и Илларион» сотворена по роману Нодара Думбадзе Тенгизом Абуладзе, а затем была создана и великая кинотрилогия «Хевсурская баллада», «Древо желаний», «Покаяние». Все это не раз повелевало сердцу читать и перечитывать романы и рассказы писателя – «Я вижу солнце», «Солнечная ночь», «Закон вечности», «Не тревожься, мама!», «Белые флаги», «Кукарача», «Дидро», «Кровь», «Мать», «Неблагодарный», «Коррида», «Солнце».

Но это было потом. А вначале был «Мамлюк». О судьбах двух друзей, а может быть, братьев, ибо друзья из одного горного селения всегда становятся братьями, разлученных в раннем детстве вихрем истории.

И ставших врагами.

И принявших смерть друг от друга.

Я это помню.

И вечный зов родины мамлюка.

Из летописи и литературы знаю, что кипчакский хан Артык являлся отцом Турандохты – жены Давида IV.

И неистребимый зов крови, побеждающий сквозь века манкурта нашего времени.

И горчащий запах емшана-полыни, манящий туда, на восточное побережье Каспия, откуда был родом предводитель мамлюков кипчак Бейбарс, объединивший осиротелых сынов Земли и на берегах Нила, в Мысыре-Египте, и в лазурном Крыму, и в небесных горах Кавказа.

Но и он, и его воины-побратимы были бессильны перед памятью их манящей Родины-матери.

Это правда, мальчик.

Вспоминаю «Плаху» Чингиза Айтматова, ему в декабре исполняется 85 лет со дня рождения, погодка и ровесника Нодара Думбадзе и его собрата по «Закону вечности». Вспоминаю страницы, посвященные грузинскому многоголосию, где песни пелись одна за другой, и пилось вино, которое чем больше пьешь, тем охотнее оно пьется, и тем сильнее горит душа, жаждущая снова и снова вина и песни.

Они стояли в кругу, иногда возложив руки на плечи друг другу, иногда уронив их плетями, а когда хотели, чтобы их услышала божественная сила, неведомая и неотвратимая, но всевидящая и всезнающая, воздевали руки к небу.

Как же так, если Бог все видит и все знает, куда он гонит их с земли своей? И почему так устроено, что люди воюют и борются между собой, что льется кровь, льются слезы, и каждый считает себя правым, а другого – неправым, и где же истина, и кто ее вправе изречь?

Где тот пророк, который бы их рассудил по справедливости?.. Не об этом ли, не об этих ли вылившихся в напеве страданиях, пережитых давным-давно, осмысленных отцами как изначальный опыт добра и зла, прочувствованных в их красоте и вечности, пелось в тех старинных песнях, сохраняемых в памяти народа?

И потому в устах тех семерых от одной песни рождалась другая, и они не размыкали круга...

Это правда, мальчик.

И не было в ту ночь людей родней и ближе меж собой, чем эти семеро грузин, поющих горестно и вдохновенно в час разлуки. Стихия песен сближала их еще тесней. Как много все же сумели предки пережить и придумать впрок для потомков задушевных слов, полных бессмертной гармонии. Как по полету можно отличить птицу, так по песне грузин грузина отличит за десять верст и скажет, кто он, откуда он, что с ним, что на душе у него, - на свадьбе развеселой был или горе его томит...

Это правда, мальчик.

Старики везде разные, и в горном селении, и на берегу моря, и в долине, и в городе, и в дальнем ауле. Однако их всех объединяет нечто большее, чем просто приобретенный опыт бытия.

Это нечто большее – мудрость, суровая и лукавая, степенная и внешне безразличная ко всему окружающему, погруженная в невидимые уголки памяти, изредка извлекая оттуда, из колодца времен, ночные страницы воспоминаний.

Они терпеливо существуют в городских квартирах взрослых своих детей – дочери или сына, которые по долгу родства, но не по зову сердца выделяют им метраж отдаленной комнаты. И только тогда оживает в их глазах блеск былой жизни, когда забегает в канун долгой ночи внук.

И молча слушает деда.

И затем оба молчат.

И детский безмятежный сон сливается с чутким сном-дыханием деда.

И время неумолимо.

И приходит тот самый час, когда словно бы встрепенувшись, словно бы по зову далеких и ушедших предков, старик покидает квартиру сына или дочери, поцеловав спящего внука, садится на ночной поезд, а затем на попутную машину или даже арбу, идет и идет туда, в горы, в свое родное горное селение по зову дня ушедшего, оставляя «неблагодарным» в памяти взрослых детей.

Это правда, мальчик.

Вглядываюсь в иллюминатор монитора, приближая к глазам ту или иную местность.

От востока к западу.

От севера к югу.

А если уйти на юго-восток, туда, где возвышается Джомолунгма, то у подножья великой вершины можно найти горное селение – Тенгри.

Где-то в этих местах зародилась древнейшая религия тенгрианство, предтеча основных религий мира, где поклонялись земной богине Умай, божественному Светилу – Солнцу и небесному богу – Тенгри. Есть одна древнейшая молитва, когда-то сотворенная, может на санскрите, а возможно и на другом древнем языке, ибо я ее не слышал за время прошлых странствий на разных языках, но единую по сути:

«Боже, даруй мне просветленность, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что

▲ Вид с Нарикала

я могу, и мудрость, чтобы увидеть разницу; дай мне жить сегодняшним днем, радуясь каждой минуте, принимая трудности лишь как тропинку к миру; дай мне принимать этот мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы я хотел его видеть; дай мне верить, что ты все устроишь так, как надо, если я повинуюсь твоей воле, дабы я мог быть по-настоящему счастлив в этой жизни и в высшей степени счастлив в будущей. Аминь».

Телави, Марнеули, Ахалкалаки проступают сквозь рваные облака утреннего тумана на склонах гор и раскинувшихся долин, где-то там, за ущельем.

Тбилиси, Батуми, Рустави, Кобулети, Поти, Багдади, Мартвили, Шуахеви...

А вот и тропа, ведущая в Гурию, где не раз делили тебя, мальчик, почтенный Кишварди Ломджария и не менее почтенная бабушка Юлия, ибо ты и для той стороны по линии матери, и для этой по линии отца един, и имя тебе – внук.

И все же...

Кишварди Ломджария глядел на огонь и думал. Думал и в то же время старался уйти, скрыться от своих невеселых дум. Но куда человеку деться от собственных дум? Ведь человек не бог... «Не нужно было отпускать мальчика... Но не смог я устоять перед горем старушки... А теперь сам в ее положении. На той неделе схожу к ней, попрошу вернуть мальчика. Не отдаст, заберу силой... «Какое, - скажу, - имеешь ты право отнимать у меня мою плоть и мою кровь? Ведь ты не бог!» Но... ведь она может ответить мне теми же словами?! Ведь я сам тоже не бог, а всего-навсего простой смертный... Ведь мальчик принадлежит ей так же, как и мне. Вот если бы я был богом! Ох, трудно, трудно быть человеком, гораздо труднее, чем богом.

Слава богу, в этом сам убедился наш спаситель – Иисус Христос...

А когда мальчик сам вернулся к деду, тот спросил у мальчика:

– А знаешь, что привело тебя ко мне?

– Нет!

– Так я скажу тебе: кровь тебя привела ко мне, вот что. Кровь – великая сила, внучек!..

А если вновь вернуться к «Покаянию» Тенгиза Абуладзе, то, на мой взгляд, и этот фильм и роман «Закон вечности» двух великих мастеров грузинской культуры, двух великих сынов человечества, это нетленные вещи одного порядка.

Я не собираюсь пересказывать сюжет фильма, трактовать линию режиссера Т. Абуладзе, так как в силу неоднородности этого явления невозможно это сделать, да и ни к чему. Как можно пересказать «Мастера и Маргариту» М.Булгакова? Как можно пересказать «Осень патриарха» Г.Маркеса? Как можно пересказать «Зеркало» или «Солярис» А.Тарковского? Как можно пересказать последние романы Ч.Айтматова? И все-таки этот фильм в силу своей первородности отличается от перечисленных шедевров литературы и кино. У каждого из нас, кто посмотрит данный фильм, у каждого, кто волеется в это пространство исповеди, будет и свое суждение о нем, и своя трактовка образов, и свои выводы, и свое... покаяние.

Кинофильм обладает не только синтезом различных видов искусств, но и в силу своей специфики раскрывает в одном творческом ключе реальность и вымысел, явь и сон, где помыслы и действия персонажей разрушают, казалось бы, установившиеся каноны восприятия. Авторы фильма берут за основу такие общечеловеческие категории, как сознание и бытие, и, усиливая эти категории кинометафорой, гротеском, сарказмом, символом и аллегорией, выстраивают их в единый видеоряд, обнажая тем самым в образе Варлама и категорию зла.

От имени жертв Варлама Аравидзе героиня Кетеван обращается к нам, зрителям:

– От своего имени и от имени всех несправедливо наказанных я требую, чтобы Варлама Аравидзе его же близкие собственными руками вырыли из могилы... Предать его земле – это значит простить его, закрыть глаза на все, что он совершил.

Волею неумирающей памяти Кетеван выносит приговор не только Варламу, но и себе, сознательно вынуждая себя выкапывать тело Варлама из могилы. Потому пронзают своей горькой правдой слова Кетеван, обращенные к Торнике, сыну Авеля, внуку Варлама: «Вот и я своими

действиями сотворила из тебя убийцу». И эта ее горечь, ее протест, отчаяние и неоднозначная непримиримость каким-то кинематографическим «биополем» окружает нас, зрителей, заполняет все уголки души потоком сознания, просвечивает рентгеном совести. Пока мы терпим варламов, они паразитируют в нашем обществе, пока мы предаем забвению их кровавые дела, есть опасность возрождения их преступлений. Покаяние, не взирая на посты и чины, покаяние без душка лицемерия, ибо может исчезнуть сама суть этого явления, и к великому слову «правда» присосется нас угнетающая приставка «не», порождая в здоровом человеческом организме ржавчину лжи.

Вспомните кадры, когда некто, облаченный в наряд жениха, избирает себе в невесты саму бесстрастную Фемиду с завязанными глазами. Это уже зло. Кем оно порождено? На этот вопрос отвечает фильм «Покаяние». Вспомните кадры, когда средневековые стражники входят в дом очередной жертвы со словами «Мир вашему дому!» Кем порождена эта страшная суть лицемерия? И на это отвечает фильм «Покаяние».

Не только отцы несут ответственность перед детьми, но и дети ответственны за своих родителей.

А если отец попал в петлю репрессий по вине Варлама и ему подобных, а если мать после долголетней ссылки не узнала сына и только по родимому пятну на его животе поняла, что это он, плоть отца и ее кровинушка?

▲ Метехская улица

Это правда, мальчик?

Правда.

И размыкается круг многоголосия.

И по возгласу «Вай, нана!» Хвича-Махмуд признает в умирающем французе друга-побратима по горному селению.

Не только деды наши хотят найти свое достоинство во внуке, недодав это достоинство сыновьям, но и внуки посредством невидимой и бессмертной лозы порою принимают груз вины предков.

Вынуждены принимать.

Или отрекаются, тем самым теряется связь поколений, обрывается ток крови, перерубается лоза нашей жизни.

А значит не будет ни песен, ни вина.

А система «Google – Планета» уносила мой взор к берегу моря, куда вот-вот погрузится Светило. И я, быть может, увижу зеленый луч, засиявший на диске заходящего в море солнца. Как когда-то увидел этот луч твой друг Гулды Каладзе.

Это правда, мальчик.

А если двигать мудрой мышкой, то можно уйти и в сторону древнего Иерусалима, где покоится прах автора

«Витязя в тигровой шкуре».

«Как Гомер есть Эллада, Данте – Италия, Шекспир – Англия, Кальдерон и Сервантес – Испания, Руставели – есть Грузия... Народ, если он великий, создаст песню и выносит в лоне своем мирового поэта. Таким венценосцем в веках, еще доселе не узанный русскими, был избранник Грузии, Шота Руставели, давший в XII веке своей родине знамя и зов – «Вепхисткаосани» - «Носящий барсову шкуру».

Это лучшая поэма о любви, какая когда-либо была создана в Европе, радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю», – писал поэт и переводчик этой поэмы Константин Бальмонт...

Это евразийская поэма, ибо вбирает в ткань своего сюжета образы Востока и Запада, и географическое положение Грузии являет собой точку этого отсчета.

А если уйти виртуально на север, то где-то там, недалеко от Телави, есть горное селение Омало. Говорят, что означает «не забудь меня».

Помню и никогда не забуду.

И по мизансценам культового фильма «Мимино», и по одинокому туру, что разгоряченными ноздрями вдыхает хрустальный воз-дух гор.

И пьешь этот воз-дух, словно бы небесную воду из родника или кувшина, чтобы дальше и выше идти по тропе дня грядущего.

Это правда, мальчик.

В наше очень плотное время только эта система «Google – Планета» и спасает, ибо оттуда, с компьютерных небес, мы видим и могилы наших предков.

И все же, как близко к глазам ты не подводишь экран монитора, только сердцем, и только им тебе дано свыше реально, хотя бы раз в год, хотя бы раз в этой земной жизни, хотя бы раз перед своим уходом прийти и поклониться своим предкам.

Это правда, мальчик.

Об этом и песня русского поэта и писателя, сына грузина и армянки, песня батона Булата:

«А иначе зачем на земле этой вечной живу».

А иначе зачем нам день грядущий, во имя которого мы, поэты разных стран, собрались здесь, на родине великого гуманиста Нодара Владимировича Думбадзе?

Собрались, несмотря на новые и свежие границы отчуждения, о которых и ведать не ведали наши деды и прадеды.

*А может быть, плач поднебесья
И лунный сквозь сумрак аккорд.
Я вижу – из южного детства
Свисающий с неба апорт.*

*А там за ночным перевалом
Встает восприятием сна
Рождественской свечки огарок,
И ель, что живет у окна.*

*А там, где-то там за грядую,
За горной грядую судьбы
Свет горний встает над тропюю
Под скрип одинокой арбы.*

*А там, где-то там на закате
Начало второго пути.
Мой мир ошибается в дате,
Все день тот пытаюсь найти.*

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

11 июля 2013 г.,
перед отъездом в Грузию